

Алексей Корепанов

СОН ДЕМИУРГА

Алексей Корепанов

Сон Демиурга

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Сон Демиурга / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Бойцы группы быстрого реагирования, выехавшие на очередную операцию по задержанию преступников, даже и представить себе не могли, что ожидает их в загородном лесочке. Психиатру Виктору Самопалову пришлось долго ломать голову над загадкой очень странного пациента Игоря Ковалева, называющего себя Демиургом. А когда долго ломаешь голову, это чревато последствиями. Если бы американским астронавтам сказали, чем закончится их засекреченный полет на Марс, они бы не поверили и от души посмеялись. Но вышло так, что им стало совсем не до смеха...

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1. Выезд	5
2. Граф	8
3. Лес	13
4. Демиург	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Корепанов

Сон Демиурга

1. Выезд

«Пятерка, на выезд!» – раздался в динамике хрипловатый голос дежурного.

– Тьфу ты! – сидящий у телевизора Саня Веремеев в сердцах плюнул и стукнул крепкой ладонью по подлокотнику кресла. – Ну не дадут досмотреть!

На телеэкране московский «Спартак» отчаянно цеплялся за последний шанс удержаться в Лиге чемпионов.

– Еще досмотришь, если быстро управимся, – успокоил его командир группы капитан Зорин. – А это и от тебя зависит. Давайте, ребята, запрягаемся.

– Какое там досмотришь – всего полтайма-то и осталось, – уныло сказал Саня в спину направившемуся к двери Зорину. Капитан шел получать разъяснения и конкретное задание для группы.

– Не расстраивайся, Санёк, все равно амбец «Спартакчу», – утешил сослуживца Гена Гусев. – Лучше уж воздухом подышать и размяться.

– Фиг тебе, Гусёк! – заявил Саня, покидая уютное кресло. – Целых полтайма еще.

За окнами было темно и шел дождь, не сильный, но затяжной, каким и положено быть осеннему дождю. Весь день с раннего утра бойцы пятой группы провели здесь, в казарме, под крышей, потому как кому же охота торчать на дворе под дождем? Это занятие на любителя. Разве что перекурить под навесом – и вновь в свой дом родной, заниматься всякой всячиной в ожидании команды «на выезд». Которой вполне могло так и не поступить за все сутки дежурства, благо времена настали более-менее тихие.

До того, как прозвучал в динамике голос дежурного по спецчасти, дюжина бойцов пятой группы коротала вечер как обычно, когда не было выезда на задание: кто-то развлекался «стрелялками» на компьютерах, кто-то смотрел телевизор, кто-то играл в шахматы, а Сергей Лукин даже читал. Не монографию, правда, какую-нибудь, и не сочинения «матерого человечища» Льва Николаевича Толстого или там «Сагу о Картрайтах», а какую-то фантастику, – но все-таки читал... И дома он тоже читал. Только дома не всегда удавалось.

Теперь же «стрелялки» и шахматы были отложены, и книжка тоже, и бойцы деловито и сноровисто занялись экипировкой возле стенных шкафов. Причем и Саня Веремеев, и еще несколько парней продолжали при этом следить за барахтаньем «Спартака», старавшегося подобно известной лягушке сбить сливки в масло и выпрыгнуть-таки в плей-офф.

Снаряжались, как и положено, по полной форме: бронежилеты под камуфляжные куртки, черные маски-шапочки с прорезями на голову, сверху – шлемы с прозрачными пуленепробиваемыми щитками и встроенными рациями, на ноги – высокие ботинки со шнуровкой, на толстой, в два пальца, пружинящей подошве. Разбирали оружие: ножи, пистолеты и неувядающие «калашниковы», цепляли к широким поясам боевые гранаты и «погремушки Перуна» – оглушающе-ослепляющие «бабахалки», что ввергали в шок не только слабонервных, но и субъектов покруче. Проверяли карманные фонарики. Вынимали из шкафов «кошки». Рассовывали по карманам кто сигареты, кто жевательную резинку, а кто и шоколадные батончики. Дело было привычное – ни один боец пятой группы не ходил в первогодках, у каждого из этих парней были на счету десятки подобных выездов.

– Вот блин, – ворчал Саня Веремеев, зашнуровывая ботинок. – И футбол не посмотришь из-за этих бандюков!

Облачились, расселись в ожидании командира по креслам с откидными сиденьями, стоящими вдоль стены. Каждый на своем персональном месте – у кресел, как и у стенных шкафов, хозяева не менялись. Массивные и широкоплечие в бронежилетах, увешанные оружием, в масках и шлемах, бойцы выглядели как космические десантники из фантастических фильмов. Капитан Зорин вернулся, и Саня Веремеев со вздохом выключил телевизор.

В полной тишине выслушали командира. Задача была обычной, одной из стандартных задач. Вариант «вода в песок». Выехать. Спешиться. Оцепить. Просочиться. Брать живьем, особо прытких убивать, но не до смерти. Доставить повязанный «товар» куда положено. Сдать. Вернуться в расположение спецчасти. А утром – если ночью вновь не будут дергать – разбегаться по домам и постараться успеть еще и жен приласкать, прежде чем те упорхнут на работу. Кого именно придется брать и за какие грехи – бойцов не интересовало, это были ненужные детали. Кому надо, тот знает, а их дело – повязать и доставить. Выполнить задание и получить свои заработанные. С надбавкой за профессионализм.

Несколько минут ушло на изучение схемы расположения объекта. И вновь ничего экстраординарного: двухэтажный, чуть ли не типовой особнячок на окраине дачного поселка, у самого сосняка. Забор, естественно, и охрана, – но это все из задачника для грудных младенцев. Впрочем, будь там хоть ров десятиметровой глубины, до краев заполненный свеженькой вулканической лавой, будь там хоть вышки с пулеметами и колючая проволока под током по всему периметру, – все равно это не переводило бы задачу в повышенную категорию сложности. На учениях бойцы пятой группы сталкивались и не с таким – работали мозги у организаторов, какие только извращения не придумывали! – сталкивались и преодолевали, хотя порой и приходилось очень даже нелегко. И при выездах случались иногда всякие фокусы, только фокусники все равно, в конечном счете, оказывались мордой вниз и с руками за спиной. А кое для кого – не обходилось и без этого – такие фокусы оказывались последними в жизни...

– Подъем, ребята, – сказал капитан. – Гусев, шкафчик-то свой прикрой.

Встали, потянулись к выходу, не торопясь и не толкаясь – каждый знал свое место в цепочке. Пока грузились в автобус, курильщики успели сделать с десятка затяжек. В свете прожекторов блестели лужи на асфальте просторного двора. По опавшим листьям шуршал назойливый работяга-дождь.

Командир чуть задержался в казарме, управляясь с амуницией, и Гена Гусев тем временем выдал анекдот в тему о выезде группы быстрого реагирования в бордель. Бойцы хохотали от души, а капитан Зорин, забравшись в салон, сел в кресло рядом с водителем и скомандовал:

– Погнали!

Попетляв по безлюдным улицам пригорода, автобус выбрался на окружную, сделал вираж на транспортной развязке и по Западному шоссе устремился прочь от города. До конечной цели пути было не более десятка километров.

– Эх, хотел завтра с Димкой в парке погулять, – сокрушенно сказал Сергей Лукин, глядя в темное окно, исполованное размазанными следами дождевых капель. – А по такой погоде не разгуляешься.

Сидящий рядом Гена Гусев удивленно повернулся к нему:

– Так ведь завтра вроде бы четверг, Серый. Чего это он у тебя не в садике?

– Карантин в садике. Осенний грипп.

– А, ну да, что-то такое было по телеку. Ничего, папаша, посидишь дома с пацаном, книжку ему почитаешь. Спешил же папашей заделаться, вот теперь саночки и вози. – Гусев закинул руки за голову, с наслаждением потянулся, выгнув спину, и мечтательно закатил глаза. – А нам, холостым, доступны все удовольствия. – Он встрепенулся. – Кстати, есть по этому поводу неплохой анекдотец...

Через несколько минут автобус замедлил ход и аккуратно свернул с шоссе. Мелькнули в свете фар мокрые полуголые деревья, и колеса запрыгали по грунтовке. Вскоре, по команде

капитана, водитель остановил автобус и заглушил мотор. Зорин, встав, начал отдавать распоряжения:

– Выходим, обычным порядком перемещаемся к объекту. Разбиваемся на связки, оцепляем. Начало проникновения во двор по моей команде. Вопросы есть?

Вопросов не было – каждый боец знал свой маневр.

– С богом! – капитан первым покинул автобус.

В прохладной темноте шелестел в ветвях деревьев дождь, вдалеке виднелись редкие огни поселка. Бойцы ГБР – группы быстрого реагирования – подождали, когда глаза немного привыкнут к этой осенней мгле и двинулись вслед за командиром. Крадущимися шагами, через мокрый сосняк, в сторону объекта предстоящей операции, неслышно скользя от ствола к стволу. Не доходя до высокого бетонного забора, разделились на обычные связки и начали окружать особняк с высокой двускатной крышей. Вместо привычного когда-то флюгера она была увенчана большой белой тарелкой спутниковой антенны. В окнах верхнего этажа горел свет, пробиваясь сквозь темные портьеры.

Лукин, Гусев и Веремеев, как всегда, работали в одной связке. Повернув налево, они прокрались вдоль забора, обогнули его. Приготовили «кошки» на тонких, но прочных тросах и застыли под прикрытием сосен в ожидании команды по рации.

Но команду капитана Зорина так и не услышали.

Потому что вечерний полумрак перед ними вдруг взорвался беззвучными багровыми выбросами, и в лица бойцам мощным шквалом ударил неведомая откуда взявшаяся ледяная ветер. Они не удержались на ногах и попадали на мокрую землю, покрытую осыпавшейся с сосен хвоей. В тот же миг земля предательски разверзлась под ними, множась багровые сполохи слились в кольцо. Это кольцо стремительно сжималось – и бойцы почувствовали, что, потеряв опору, летят куда-то вниз. Вновь ударило по глазам холодное багровое пламя, ослепив и оглушив, напрочь отрезая от привычного мира.

– Командир!.. – все-таки успел крикнуть Веремеев в рацию, но это было последнее, что он успел.

Низвергаясь в неведомые, совершенно непонятно как образовавшиеся внезапно глубины, бойцы вонзились во что-то мягкое и податливое, подобное толстой перине. Эта перина окутала их со всех сторон, поглотила, погрузила в себя, лишив так ничего и не успевших сообразить парней даже ощущения собственного тела. Новый порыв ветра превратил в лед их сознание, и они выключились из реальности. Словно некто, распоряжающийся их судьбами, одним движением пальца погасил свет...

2. Граф

Доктор Самопалов стоял у окна своего кабинета на втором этаже психиатрической больницы и рассеянно смотрел во двор. Там сидели на скамейках и прогуливались по дорожкам под деревьями с редкой желтой листвой женщины – преимущественно в домашних халатах поверх кофт и мужчины – преимущественно в спортивных костюмах. Ранний осенний вечер был не очень теплым, и с запада, заслонив солнце, напознала дождевая туча.

Доктору медицинских наук, члену ассоциации психиатров, психотерапевтов и психологов Виктору Павловичу Самопалову предстояла очередная беседа с пациентом из седьмой палаты. Тот именовал себя достаточно скромно – «Демиург», а по документам был Ковалевым Игорем Владимировичем, тридцати трех лет отроду. Доктор Самопалов имел достаточные основания полагать, что пациент Ковалев болен вялотекущей неврозоподобной шизофренией с проявлениями синдрома метафизической интоксикации, синдрома Кандинского – Клерамбо (представленного, в данном случае, бредом воздействия), шизоидного патологического фантазирования, а также онейроидных состояний и прочих специфических симптомов, отличающих психику больную от психики здоровой. Кроме того, Ковалев в свое время пережил то состояние, которое в психиатрических классификациях формулируется как расстройство множественной личности, или многоличностное заболевание. Именно по этой причине Ковалев и попал впервые в психиатрическую больницу двенадцать лет тому назад, когда еще был студентом. В то время эта странная, удивительная история чрезвычайно заинтересовала доктора Самопалова, и он приложил немало усилий для того, чтобы разобраться в завихрениях сознания студента Игоря Ковалева.

История болезни Игоря Ковалева была действительно не совсем обычной даже для выдавших много всякого-разного психиатров.¹

Родители Игоря развелись, когда он еще учился в школе. Игорь остался жить с матерью, которая гораздо больше внимания уделяла себе и своим время от времени появлявшимся после развода мужчинам, чем воспитанию сына. Она была еще сравнительно молода, довольно хороша собой, и отнюдь не считала, что жизнь ее с уходом мужа закончилась. Однако же к сыну относилась строго, требуя от него только отличной учебы и примерного поведения.

Окончив школу, Игорь успешно сдал вступительные экзамены в университет и стал студентом юридического факультета. Учеба давалась ему легко, и все в его жизни, казалось, шло без каких-либо проблем. Был он спокойным и незаметным, сторонился шумных студенческих компаний, предпочитая в одиночестве бродить по улицам, а еще лучше – в парке, под дождем. Эту тягу к уединению заметил отец, который обзавелся второй семьей, но, тем не менее, время от времени тайком от матери общался с сыном. Мать же уходила на работу рано, возвращалась домой поздно, заводя один роман за другим, и не замечала погружения сына в одиночество.

Игорь учился уже на четвертом курсе, когда вдруг начал видеть странные сны. Разумеется, он видел сны и раньше, но совсем не такие. То, что стало являться ему январскими ночами, было повторением одного и того же сновидения. И оно раз или два в неделю преследовало его в течение почти трех месяцев, до мартовской оттепели.

Игорь запомнил это сновидение до мелочей. Он стоит за тяжелой темно-багровой портьерой в длинном просторном зале с высоким куполообразным потолком. Справа и слева зал обрамлен выстроившимися в ряд массивными круглыми колоннами. На нем красного цвета одежда явно не современного фасона, что-то в стиле одеяний средневековой знати, а также рыцарские латы и красный плащ. Во сне Игорь знает, что он вовсе не студент юрфака Игорь

¹ Описываемый далее случай с «Черным графом» является действительным случаем из врачебной практики. (Здесь и далее – примечания автора.)

Ковалев, а герцог Чезаре Борджиа – представитель одного из могущественных кланов Италии эпохи Возрождения, сын папы римского Александра VI, правитель области Романья. Напротив него, посередине зала, пол которого выложен светлым мрамором, стоит смуглый мужчина средних лет. У него небольшая остроконечная бородка и усы а-ля «испанский гранд» и резкие, какие-то хищные черты лица. Мужчина довольно красив, но весь его облик внушает тревогу и трепет герцогу: «гранд» одет во все черное, на нем узкие панталоны, латы, черный плащ и широкополая черная шляпа с ярко-красным пером, наводящим на мысль о крови. За поясом мужчины виден кинжал с покрытой узорами рукояткой. Игорь, вернее, не Игорь, а Чезаре Борджиа, мысленно называет его Черным графом.

Затем в центре зала словно из воздуха возникает трон. На нем восседает черноволосая женщина лет тридцати, с прекрасной диадемой, в длинном белом платье, богато украшенном золотой и красной отделкой. Герцог знает, что это Екатерина Медичи – королева Франции.

Черный граф неторопливо подходит к ней и что-то говорит, а потом выхватывает из-за пояса кинжал и наносит ей удар в шею. Кровь обагрывает белое платье, кровь брызжет на белый мрамор пола – и окровавленная королева падает замертво. Черный граф резко оборачивается и видит вышедшего из-за портьеры герцога Чезаре Борджиа...

На этом сновидение обрывается, и Игорь Ковалев с бешено колотящимся сердцем просыпается в собственной постели.

Постепенно он привык к этому повторяющемуся мрачному сну и попытался найти ему объяснение.

«Очевидно, я был свидетелем убийства в шестнадцатом веке, в своей прошлой жизни», – сказал он гораздо позже, в декабре, доктору Самопалову.

Да, к тому времени Игорь Ковалев был уже уверен в том, что действие его сна происходит именно в XVI веке. Никогда до этого особенно не интересовавшийся историей, он стал завсегдатаем читального зала областной библиотеки, стремясь узнать как можно больше о временах графа Чезаре Борджиа и Екатерины Медичи и найти точки пересечения этих исторических лиц. Но никаких точек пересечения так и не нашел. Их, собственно, и не могло быть, потому что реальный, исторический Чезаре Борджиа умер за двенадцать лет до рождения будущей французской королевы Екатерины Медичи. И она, к тому же, по свидетельствам современников, была рыжеволосой.

В апреле сюжет сна существенно изменился. Герцог Чезаре Борджиа по-прежнему стоял за портьерой в том же зале, однако там уже не было трона и Екатерины Медичи. Черный граф, застывший посередине зала, медленно поворачивал голову в сторону Ковалева-герцога, устремлял на него тяжелый взгляд и глухо говорил: «Вы были свидетелем и должны умереть».

Этот вариант сновидения повторялся также дважды в неделю. Он постепенно становился пугающе привычным и вызывал у Игоря по утрам, после пробуждения, чувство какой-то всепоглощающей тоски и обреченности.

Дальше стало еще хуже. С июля ночные сновидения превратились в дневные видения. Когда Игорь находился в квартире один, стена комнаты внезапно затягивалась дымкой и растворялась, а в дымке появлялся все тот же зловещий зал. И Черный граф, не говоря ни слова, мысленно угрожал теперь уже не Чезаре Борджиа, а именно ему, студенту Игорю Ковалеву. И зал, и Черный граф выглядели полупрозрачными, но от этого назойливого видения, как Игорь ни старался, нельзя было избавиться усилием воли...

Мысленные угрозы повторялись и повторялись. В конце концов, совершенно измученный парень начал держать под рукой кухонный нож, всерьез опасаясь, что Черный граф воплотится из видения в реального человека и выполнит свою угрозу.

Так продолжалось до второго декабря. В тот вечер Игорь вновь был дома один – мать еще не вернулась с работы. Он пил чай на кухне, когда дверь в квартиру открылась, и он увидел входящего в прихожую Черного графа все в том же традиционном одеянии. Фигура его на сей

раз казалась не призрачной, а вполне реальной. Воплотившееся видение протянуло к Игорю руки, и тот вскочил со стула, схватил лежавший в коробке у газовой плиты молоток и бросился в прихожую, по пути вооружившись еще и ножом с кухонного стола. Подскочив к убийце Екатерины Медичи, Игорь с размаху ударил его молотком по голове, сломав кроваво-красное перо на широкополой черной шляпе. А потом отбросил молоток, переложил нож в правую руку и замахнулся, намереваясь нанести Черному графу удар в шею. Тот пытался обороняться, заслонялся руками, и Игорь совершенно отчетливо понимал, что перед ним действительно человек из плоти, а не эфемерный призрак. Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка, но внезапно, как потом рассказывал Игорь, он потерял сознание и очнулся уже в палате психиатрической больницы, расположенной в пригородном поселке...

На самом же деле в тот злополучный декабрьский вечер дверь в квартиру открыл не Черный граф эпохи Возрождения, а вернувшаяся с работы мать Игоря. По ее словам, она вошла в прихожую и повернулась к двери, чтобы запереть ее на замок, но тут услышала быстро приближающиеся шаги за спиной. Затем последовал сильный удар по голове. Сознание она не потеряла и, обернувшись, увидела искаженное яростью лицо сына, который замахнулся на нее ножом. Выставив перед собой руки, она начала отчаянно защищаться и громко кричать. Сын целил ей ножом в шею, но лезвие постоянно натывалось на руки жертвы этого внезапного ужасного нападения. Изрезав матери руки, повредив ей сухожилия, Игорь вытолкнул ее, окровавленную, на лестничную площадку. Перепуганная женщина продолжала громко звать на помощь, и соседи позвонили в милицию.

При последующем опросе тех, кто видел Игоря в тот вечер, после нападения, выяснилось, что он не реагировал ни на что. Застыв на месте, парень смотрел прямо перед собой немигающим и ничего не выражающим взглядом...

Доктор Самопалов хорошо помнил свои впечатления от первых встреч с новым пациентом. Игорь почти постоянно лежал в постели, глядя в пространство. И хотя и рассказал о своих видениях, мучивших его без малого год, но когда доктор пытался заговорить с ним о той попытке убийства, отвечал крайне неохотно, а то и вовсе молчал.

Тогда, двенадцать лет назад, Самопалов отмечал в своем рабочем дневнике:

«Причину госпитализации Ковалев видит в «столкновении с Черным графом». Вся эта история кажется ему реальной, но связанной с «прошлой жизнью». Считает, что его ждет неминуемая расплата за то, что он стал свидетелем убийства Екатерины Медичи. Эмоционально холоден. После сообщения о том, что на самом деле он пытался убить не иллюзорного Черного графа, а собственную мать, которая в тяжелом состоянии находится в реанимации, заявил, что «этого не может быть». Данное вытеснение не сопровождается интересом к ее судьбе. Голос монотонный, не модулированный. Ни с кем не общается, в отделении незаметен. Высказывает предположение, что Черный граф может опять прийти».

Игорь Ковалев провел в психиатрической больнице больше года. В конце концов, то ли благодаря галоперидолу, лепонексу, френолону и прочим нейролептикам вкупе с психотерапией, то ли как раз вопреки всем этим таблеткам и процедурам, состояние его улучшилось. Он, судя по всему, полностью вытеснил из сознания воспоминания о случившейся драме и не испытывал никакой неприязни к матери. Она, слава богу, вполне оправилась от последствий нападения и часто навещала сына, стараясь, быть может, этими своими частыми визитами как-то компенсировать прежнее невнимание к нему.

Перед выпиской Игоря из больницы во врачебном журнале была сделана следующая скудная запись:

«Неврологическое состояние без особенностей, ЭЭГ без пароксизмальных феноменов».

За время, проведенное Игорем Ковалевым в больнице, доктор Самопалов многое для себя открыл. Так же, как ранее Игорь, он углубился в изучение исторической литературы об

эпохе Ренессанса, чтобы выяснить, насколько соответствуют видения пациента историческим фактам.

Оказалось, что отдельные символы переживаний Ковалева имеют аналогии с теми временами. В частности, залы с колоннами, первоначально имевшие форму нефов, широко распространились в Европе с XV столетия, благодаря Филиппо Брунеллески. В боковом нефе церкви Санто-Спирито во Флоренции, изображение которого Самопалов показал пациенту, тот узнал обрамленный колоннами зал из своих видений. Колоннада и мода на них в эпоху Возрождения, в свою очередь, как выяснил Самопалов, восходят к традициям эстетики античности. Дева Мария, восседающая на троне в зале с колоннадами, встречается во множестве ренессансных произведений.

Основываясь на опыте многочисленных исследований в области психопатологии, доктор Самопалов пришел к выводу о том, что Черный граф – это аналог Родриго Борджиа, или папы римского Александра VI, сыном которого был Чезаре Борджиа – герцог Романьи.

Общение с Игорем Ковалевым утвердило доктора в мысли о том, что его пациент обладает двумя личностями, то есть страдает многоличностным заболеванием. Доктор не верил в переселение душ.

Первое в истории медицины клиническое описание многоличностного заболевания было связано с дочерью священника Мэри Рейнолдс. В 1811 году эта восемнадцатилетняя девушка, отложив только что прочитанную книгу, вдруг ослепла и оглохла – на целых пять месяцев. После этого, пробудившись однажды утром после восемнадцатичасового сна, она повела себя будто вновь родившаяся: произносила лишь несколько слов, не могла узнать обстановку собственного дома и своих близких. Однако пребывая в этом состоянии «номер два», Мэри Рейнолдс быстро начала обучаться. Через пять недель девушка вновь заснула на те же восемнадцать часов и, возвратившись в прежнее состояние «номер один», ничего об этих пяти неделях не помнила. Такие странные приступы повторялись из года в год. Причем вторая личность Мэри крепла и становилась все более активной, в отличие от первой личности, которая продолжала оставаться меланхолической и чувствительной.

Другой классический случай касался Крис Сайзмор – женщины, обладавшей тремя личностями: «Белая Ева», «Черная Ева» и «Жан». Все новые личности образовывались под влиянием стрессов, связанных со сценами насилия. «Белая Ева» была любящей матерью и скромной домохозяйкой. «Черная Ева», напротив, обожала всякие питейные заведения и распутную ночную жизнь. А «Жан» представлял собой зрелую личность, пытавшуюся примирить обеих «Ев».

А самый, пожалуй, известный случай многоличностного заболевания относился к американцу Билли Миллигэну, арестованному в 1977 году по подозрению в серийных убийствах, похищении детей и многочисленных ограблениях. При проведении судебно-психиатрической экспертизы психиатры установили у него ни мало ни много двадцать четыре личности обоего пола и разного возраста, две из которых были доминантными. Первая личность – Артур, англичанин, был крупным бизнесменом, не верил в Бога, превосходно знал физику и медицину, легко говорил и писал не только по-английски, но и по-арабски. Эта личность Билли Миллигэна доминировала в спокойных ситуациях. Вторая – Раген Ядасковинич, югослав, был коммунистом, говорил по-английски с довольно сильным акцентом, зато свободно изъяснялся на сербо-хорватском языке, отлично владел оружием, приемами карате и доминировал в минуты опасности. Эти две доминантные личности могли, в случае необходимости, включать и выключать другие личности, каждая из которых обладала собственной памятью и интересами. Более того, у каждой из этих двух дюжин личностей, уживавшихся в одном человеке, фиксировались отличавшиеся друг от друга электроэнцефалограммы, они имели разный кожногальванический коэффициент и по-разному отвечали на детекторе лжи...

Когда-то по этому поводу доктор Самопалов записал в своем дневнике:

«Все это может свидетельствовать о том, что человек функционирует как оркестр, имея множество Я, которые выступают как солирующие инструменты».

Итак, Игорь Ковалев в удовлетворительном состоянии был выписан из психиатрической больницы. А доктор Самопалов работал с новыми больными – их число росло из года в год – и продолжал размышлять о причудах сознания своего не совсем ординарного пациента, воплотившего в себе личность умершего пять столетий назад Чезаре Борджиа. Он подробно описал этот случай в своей монографии «Странный психический мир», сопроводив историю болезни Игоря Ковалева следующим предположением:

«Сознание прошлого у К. не хронологично, а семиотично,² оно отражает не историческое, а семиотическое время – период исторического структурирования символа. Здесь пока многое не до конца понятно, но несомненно одно: психоз является регрессией именно в семиотическое историческое время, о котором мало что известно, и даже неясно, как его можно измерить».

Монография предназначалась, в первую очередь, для коллег-специалистов, которым было вполне понятно, что имеет в виду доктор Самопалов.

И вот через двенадцать лет Игорь Ковалев вновь оказался в той же психиатрической больнице, только теперь уже не в четвертой, а в седьмой палате. Болезнь, как это обычно бывает со многими болезнями, вновь дала о себе знать...

² Семиотика – наука о знаках.

3. Лес

Первой мыслью пришедшего в себя Сергея Лукина была мысль о том, что его чем-то завалило. Что-то тяжелое лежало на лице, прижав щиток шлема к глазам, давило на грудь. Он попытался выбраться из-под этой непонятной массы, и это ему с трудом, но удалось. Неведомый груз был сброшен, Сергей рывком сел и обнаружил, что освободился не из-под какого-нибудь мешка с песком или цементом, а из-под Гены Гусева. Гусев откатился в сторону, молниеносно вскочил на ноги и быстро вертел головой, настороженно осматриваясь, держа автомат на изготовку. «Кошка» висела на сгибе его руки.

– Полный улет, парни, – слабым голосом сказали за спиной Сергея. – Полнейший улет...

Сергей стремительно обернулся. Саня Веремеев, сняв шлем, сидел по-турецки в густой зеленой траве и сквозь прорези маски-шапочки недоуменно таращился на окружающее своими голубыми глазами.

– Не то слово, – буркнул Гусев, продолжая озираться и поводить дулом автомата.

Сергей только сейчас обнаружил, что все еще держит в руке «кошку». Подвесив ее к поясу, он вслед за товарищами принялся изучать обстановку.

Собственно, изучать особенно было нечего, но то, что находилось вокруг, давало достаточно пищи для размышлений. Небольшую поляну, покрытую высокой травой, обступали долговязые деревья с желто-зеленой листвой. Деревья ничуть не напоминали мокрый сосняк у пригородного дачного поселка. И это было во-первых. Во-вторых, над верхушками деревьев виднелся кусочек бледно-голубого неба. Светлый, безоблачный кусочек, вовсе непохожий на темные сентябрьские небеса, под которыми они только что стояли, ожидая, когда капитан Зорин даст команду приступать к операции. Вечер почему-то превратился в день. Присмотревшись к деревьям, Лукин убедился в том, что среди них нет ни одной знакомой ему породы: вокруг вздымались не дубы, не тополя и не каштаны... Воздух был по-летнему теплым и спокойным, и не ощущалось в нем ни единого намека на дождевую влагу.

Сергей отогнул рукав камуфляжной куртки и посмотрел на часы: десять сорок две. Именно столько и должно быть. Но не утра, а вечера.

Он отлично помнил все случившееся: багровые вспышки, порывы ледяного ветра, падение в темноту, погружение во что-то мягкое... и мгновенная утрата осознания собственного «я» и внешнего мира. Подобное уже однажды с ним было – несколько лет назад, на ринге, когда его, еще совсем зеленого юнца, послал в нокаут знаменитый в их кругах Виктор Константинов по прозвищу «Кувалда», большой мастер кикбоксинга. Но что же такое послало в нокаут всю их связку, и как объяснить этот совершенно незнакомый лес?

– Смотрите, парни! – Гусев обвел рукой траву. – Непримятая. Вот, только за мной след, а вокруг? Мы сюда что, по воздуху перелетели? Или нас с вертушки спустили? И вообще, блин, мне кто-нибудь хоть что-то может объяснить? Чем это нас так вырубili? Почему мы здесь?

– И где – «здесь»? – добавил Сергей.

– Вот именно! – кивнул Гусев. – Ловушка там какая-то у той хаты была, что ли? Так приложило, что только сейчас очухались? Фигня какая-то получается, парни. На контузию что-то непохоже, лично я в полном порядке... Что за дела?! Или меня все-таки контузило, и мне все это кажется?

– Тогда и мы тебе кажемся, – заметил Сергей. – Или ты нам.

Он тоже, по примеру Веремеева, снял шлем и положил на траву рядом с собой. Ему было немного не по себе, однако он ни на секунду не сомневался в том, что объяснение обязательно найдется. Не может не найтись.

– А уж не проверочка ли это? – подал голос Саня Веремеев. – Согласно планам руководства. Тест на профпригодность какой-нибудь, а?

Гусев резко повернулся к нему:

– Так-так-так! Шандарахнули чем-то убойным, солидно шандарахнули, так, что мы глюки поймали, и реакцию нашу изучают? – Он в раздумье потер подбородок и сплюнул в траву. – Хрен его знает, парни. Как-то уж больно ни с того ни с сего...

– А проверки – они всегда как бы ни с того ни с сего, – заметил Саня.

– Прямо во время выезда на задание? – не сдавался Гусев. – В заднице у них засвербело?

– Дак и не было никакого задания, Гусек, – пояснил Веремеев. – Туфта учебная. Нас сюда засунули, других – по другим местам.

– Не слыхал я что-то о таких проверках, – сказал Сергей и тут же добавил: – Хотя руководству и надлежит быть изобретательным. Только меня растительность эта смущает. Я хоть в ботанике и не силен, но в деревьях худо-бедно разбираюсь. А тут ни одного знакомого.

Гусев внимательно оглядел густой подлесок, потом медленно, снизу вверх, изучил желто-зеленые кроны и вновь задумчиво сплюнул:

– Что не сосны – это точно. Но за ночь нас могли и в другую какую-нибудь климатическую зону перебросить. Тепло же, как в июле. Точно, на юг киданули.

– Слава богу, не на север, – пробурчал Саня Веремеев.

А у Сергея вдруг мелькнула совершенно дикая мысль, однако он тут же отогнал ее подальше. Потому что такое было бы уместно в фантастических книжках, но никак не в реальной жизни.

– А ну-ка, проверим связь, – деловито сказал Гусев. – Хотя, конечно, сильно сомневаюсь...

Его сомнения незамедлительно подтвердились: хотя рации были в полном порядке – между собой бойцы переговариваться могли, – никто на запросы не отзывался.

– Ладно, парни, чего зря мозги сушить, – подвел итог Гусев. – Надо исходить из того, что имеем. Раньше или позже разберемся. Давайте посмотримся – и вперед, чего нам здесь торчать? Есть желание по деревьям ползать?

– Кинем на пальцах, – предложил Саня Веремеев. – Считаем с меня, по часовой. Раз, два...

На счет «три» дружно выбросили пальцы. Получилось пять, и лезть на дерево выпало Сергею. Освободившись от пояса и автомата, он облюбовал дерево повыше, с толстыми кривоватыми ветвями, и начал ловко взбираться к кусочку светлого неба.

Картина, открывшаяся ему сверху, была весьма впечатляющей. Во все стороны, заполняя все пространство до окоема, раскинулось желто-зеленое море деревьев. И не угадывалось в этом море никаких следов человеческой деятельности: ни дорог, ни дыма из какой-нибудь трубы, ни просек с опорами ЛЭП. Вдалеке неторопливо кружили над деревьями птицы, казавшиеся отсюда черными точками. Было что-то отрешенное в этом беззвучном кружении, и Сергей только сейчас с невольным замиранием сердца почувствовал, какая бесконечно глубокая тишина стоит вокруг. Пожалуй, никогда еще ему, городскому жителю, не доводилось быть погруженным в такую всеобъемлющую тишину, даже в годы армейской службы. Над неподвижным, без единого колыхания, лесом опрокинулась гигантская нежно-голубая чаша неба. Чистая, отполированная ветрами чаша. И где-то на трети пути к зениту застыл на стенке этой чудесной чаши не жаркий еще солнечный диск.

Сергей замер, восхищенно оглядывая небеса. И не заметил, в какой момент в голове его вдруг зазвучала, наплывая издалека, торжественная музыка, и чистый, словно бы детский голос запел:

Прогрело солнце чашу небосвода,
Она отполирована ветрами,
В ней перекатывается гул громов

И в синеве клубятся облака,
Неся небесные живительные воды...

Голос умолк, оставив только музыку какого-то струнного инструмента, – но тут же возник вновь:

В нерукотворном этом храме
Порою, доносясь издалека,
Звучат чуть слышно голоса иных миров...

У Сергея закружилась голова, и он обеими руками вцепился в ствол. И не потому что боялся упасть, а потому что ему показалось: вот-вот подхватит его неведомая волшебная сила и как воздушный шарик унесет в глубины этой небесной чаши.

«Наваждение какое-то... – ошеломленно и как-то отрешенно подумал он. – Где-то когда-то слышал, а теперь и вынырнуло из подсознания... Когда увидел это небо...»

Песня в голове уже иссякла, а он все не решался оторвать руки от теплой, чуть шершавой коры.

«Наваждение... Это все из-за того, что небо...»

– Ну, что там, Серега? – разорвав зачарованную тишину, раздался снизу неожиданно громко прозвучавший голос невидимого за листвой Гусева. – Ничьи там морды не маячат?

– Пока нет, – не сразу отозвался Сергей, приходя в себя. – Попробую забраться повыше, если ветка выдержит.

– Не бойсь, поймает, – подбодрил его Саня Веремеев.

Кружащие хором еле заметные птицы, медленно спланировав, канули в желто-зеленую гладь. Сергей проследил за ними взглядом и вдруг заметил в дальней дали какой-то слабый отблеск. Взобравшись еще на две ветки выше, он впился глазами в этот отблеск... в эту поблескивающую под солнцем узкую полоску – и в этот момент верхушка дерева с треском начала ломаться.

– Эй, Серый, осторожней! – встревоженно крикнули с поляны.

Тренированное ловкое тело – крупнейший плюс, когда есть все шансы свалиться на землю с двадцатиметровой высоты. Сергей молниеносно скользнул по стволу вниз, сгибая подошвами ботинок тонкие ветви и обрывая громко зашуршавшую листву, и ему удалось избежать падения. Благополучно добравшись до нижних ветвей, он повис на руках и спрыгнул в траву, где поджидали его товарищи.

– Ну что? – вновь спросил Гусев.

Сергей стащил с головы маску, вытер мокрое лицо.

– И то верно. – Саня Веремеев проделал ту же операцию.

– Глухомань, – сообщил Сергей. – Лес до самого горизонта. Похоже на заповедник. А вон там, – он показал рукой, – то ли озеро, то ли река.

– Та-ак... – Гусев тоже высвободил из-под маски свое широкое лицо с плоским носом боксера и выступающими скулами. – Так, – повторил он, с силой провел рукой по коротко стриженным волосам и присел на корточки. – И больше ничего?

– И больше ничего, – развел руками Сергей. О голубой небесной чаше и своем наваждении он говорить не стал.

Гусев вытащил пачку сигарет, щелкнул зажигалкой. Сизый дым растекся в воздухе, забывая запахи леса.

– Значит, забросили в тыл врага, – отрешенно сказал он. – И жратвы никакой. – Он похлопал себя по карманам и покивал с удрученным видом.

– Никакой, – подтвердил Саня Веремеев. – Как говорится, чем дальше в лес, тем третий лишний. Вот и схаваем тебя, Гусек, – улыбнулся он. – Хотя у меня жвачка есть, будем жевать, если совсем припрет.

– У тебя и так зубы белые, без жвачки, и морда круглая, – не остался в долгу Гена. – А потому твою долю мы с Сергеем оприходуем. Верно, Серый?

– Где лес, там и звери. – Сергей похлопал по стволу автомата. – Так что перезимуем как-нибудь.

– О, эт-точно! – оживился Гусев. – Бараний бок мне пробовать приходилось, а вот медвежий...

– А может, медведь тоже мечтает полакомиться боком Гуська. – Саня Веремеев вновь белозубо улыбнулся и подмигнул Сергею. Потом согнал с лица улыбку и деловито продолжил: – Короче, парни, надо к воде идти. Не знаю, кто как, а я в лесах не рос, ориентируюсь только на уличах. Если там река – куда-нибудь да выведет, без вопросов.

– Дело говоришь, Веремей, – одобрительно кивнул Гусев и тщательно растер брошенный окурок подошвой. – Направимся вниз по течению и непременно на какое-нибудь жилье наткнемся. Народ-то, он к воде тянется. – Гусев хохотнул и добавил: – Или – к водке! Опять же, если что, рыбу глушанем. Вот так. Давай, веди, Серега Сусанин!

Передвижение по незнакомому лесу оказалось совсем не простым занятием. Приходилось пробираться сквозь густой подлесок, в котором не было никакого намека на тропинки. Все трое цеплялись амуницией за ветки и то и дело спотыкались о скрытые в траве, выпирающие из земли корни. Обходили завалы из засохших, то ли рухнувших от старости, то ли поваленных бурей деревьев, окруженных многочисленной молодой порослью. Топтали трухлявые, облепленные серым мхом коряги. Разводили руками тонкие стволы-первогодки, которые так и норовили, распрямляясь, хлестнуть по глазам десятками ладошек-листочков. Почти невидимая паутина, развешенная меж ветвей, была ужасно липкой, и вскоре покрыла разгоряченные лица бойцов ГБР обильными разводами. К счастью, пока почему-то не встречалось насекомых, всяких там комаров-мух-слепней, иначе и без того нелегкий путь стал бы почти невыносимым. Поляны попадались гораздо реже, чем того хотелось бы небольшому отряду, сосредоточенно и молча пробирающемуся к воде. И чем дальше, тем больше парни убеждались в том, что в этих краях действительно давным-давно не ступала нога человека. Поистине заповедные были края.

«Но какой же это заповедник без живности?» – недоумевал Сергей, вслед за Гусевым продираясь сквозь чащу и слыша за спиной тяжелое дыхание Сани.

Ни звериных троп, ни самих зверей или хотя бы их рыка, воя или хрюканья... Может, вокруг был дендрарий, место сосредоточения редких пород деревьев и кустарников? Тогда понятно, почему никто из них раньше таких деревьев не видел.

Однако, хотя идти было тяжело и воздух становился все теплее – утро, повинуясь взбравшемуся вверх солнцу, неотвратимо превращалось в день, – и хотя промокли уже насквозь форменные майки и рубашки, бойцы не снимали бронежилеты и оружие держали под рукой – на всякий случай...

Чтобы не сбиться с курса, сделали остановку, и теперь уже только Гусев и Веремеев выбросили пальцы. Лезть на дерево выпало Сане, а Гусев навзничь повалился на траву и некоторое время молча лежал, отдуваясь. Сергей сел рядом и, отлепляя от лица паутину, думал теперь только о реке, в которой можно искупаться и вволю напиться воды... Хотя вряд ли стоит пить речную воду, лучше бы найти какой-нибудь родник. Но где искать этот чертов родник? Ладно, сойдет и речная вода, лишь бы добраться до нее... Побыстрее бы добраться до нее...

– Ф-фу-у!.. – Гусев с видимым усилием приподнялся и сел. Помотал головой. Достал сигарету, сделал несколько затяжек и длинно сплюнул. Вытер рукавом подбородок и повернулся к Сергею. – Да-а, гоняли нас, конечно, но не по такой же местности! Это же, блин, джунгли какие-то бразильские, а не лес! – Он обхватил руками расставленные колени и, еще

раз сплюнув под себя, с силой выдохнул дым в траву. – Тут бэтээром надо переть, а не пёхом, да еще с полной амуницией.

Сергей поднял голову и поискал глазами Саню Веремеева: тот медленно, с остановками, взбирался по веткам. Вниз, плавно кружась, летели одинокие листья.

– Ничего себе проверка на выживаемость, – продолжал ворчать Гусев. – Питть охота, да и пожрать не помешало бы. Где же твои звери, Серый? Тут и зверье-то, небось, не водится, оно ведь здесь вмиг все копыта себе переломает.

– Зона, – меланхолично сказал Сергей.

– Какая зона? – не понял Гусев.

– Просто зона, – пояснил Сергей, продолжая, прищурившись, наблюдать за продвижением Веремеева к небесам. – Типа Чернобыльской.

Эта мысль пришла ему в голову только что. Он перевел взгляд на изумленного Гусева и принялся развивать тему:

– Рвануло тут давненько. Может, где-то в пятидесятых, когда у нас уже своя атомная бомба появилась. Секретность тогда, сам знаешь, какая была, так что все шито-крыто. Звери вымерли или ушли, деревья мутировали. А пауки, заметь, остались. – Сергей счистил с рукава клочок паутины. – Естественно, народ отсюда повыгоняли, расселили потихоньку кого где, страна-то преогромная... А может, и вовсе того... или по лагерям, как неблагонадежных. По личному указанию товарища Сталина.

– Какого Сталина?! Что ты несешь, Серый! – возмутился сбитый с толку Гусев. – Сталин же сразу после войны отчалил.

– Не сразу, – невозмутимо поправил его Сергей. – В истории ты рубишь слабовато – война в сорок пятом закончилась, а Сталин умер аж в пятьдесят шестом. Еще первый спутник успел запустить. Но дело не в датах. А дело в том, что зона-то – вот она, – он обвел рукой обступающие их заросли. – Мутагенная.

– Сам ты мутагенный. – Гусев «забычковал» сигарету и спрятал ее обратно в пачку, экономя курево. – Мелешь фигню всякую. Мы-то здесь при чем?

– А при том. У ученых давно руки чесались проверить влияние зоны на человека. Для них же самое большое удовольствие – поэкспериментировать на человеческом материале. Ядами там отравить всякими, наркотиками накачать, в парашу какую-нибудь засунуть с головой. А где ж материал-то этот взять? Дураков нет. Вот и решили – без согласия, в принудительном порядке, по утвержденным спискам. Так что гордись, Геныч! – Сергей похлопал слегка оторопевшего Гусева по плечу. – Если выживешь – и в звании тебя повысят сразу же, и пенсию назначат... по инвалидности.

– Тьфу на тебя! – скривился Гусев, но тут же рассмеялся и сказал одобрительно: – Балабол ты, Серега. Мощную теорию развил, мутаген ты наш. Мутагенная зона! – Он фыркнул, помолчал и многозначительно поднял палец: – Однако основную идею ты подтверждаешь, Серега. Зона, эксперименты... Проверочка это, проверочка, прав наш Санек! На выживаемость. Подбирают кадры для выполнения какого-нибудь особо важного задания, а?

Сергей пожал плечами. Питть хотелось все больше и больше, и он подумал, что вряд ли годится для выполнения особо важных заданий. Да и не нужны они ему, особо важные задания. Уж лучше как сейчас: отбыл дежурство – и возись себе дома с Димкой в свое удовольствие.

– Точно-точно, – убежденно продолжал Гусев. – Уверен, на физуху нас проверяют, на выносливость...

– Есть! – крикнул сверху Саня Веремеев. – Вижу! А мы уже изрядно в сторону забрали.

– Вот так, – сказал Гусев. – Хреновенькие из нас, однако, лесовики.

Саня спустился с дерева, и ему дали немного передохнуть. Он сел, прислонившись спиной к стволу, расстегнул куртку и закрыл глаза. Гусев, не удержавшись, начал-таки докуривать «бычок», и, судя по его сосредоточенному виду, что-то обдумывал при этом – вероятно,

насчет «проверочки». А Сергей устроился на узловатом могучем корне рядом с Веремеевым, тщательно вытер маской шею под воротником и бронежилетом и, помедлив немного, все-таки негромко спросил:

– И как там, Санек, впечатляет?

– Угу. Небо классное, – не открывая глаз, ответил Веремеев. – Чаша... полированная...

– Что-что? – севшим внезапно голосом переспросил Сергей. Ему показалось, что он ослышался.

Саня приоткрыл один глаз, такой же голубой, как небо. Его всегда добродушное лицо с выцветшими бровями, курносый нос и аккуратными, похожими на женские, губами было покрыто свалявшимися нитями паутины.

– Так... пришло вдруг в голову... Чаша с ветрами. Небо, значит, – пояснил он.

– Где пришло? Там? – Сергей показал пальцем вверх.

– Угу, – медленно, явно не желая тратить почему-то силы, кивнул Саня.

– И... песня?

Веремеев открыл второй глаз:

– Какая песня?

– Ну... о чаше с ветрами.

– Да нет, Серега, никаких песен. Просто подумалось. Слушай, дай я хоть пять минут посижу тихонько, ага?

«Совпадение? – подумал Сергей, покусывая губу. – Оч-чень интересное получается совпадение...»

Однако Гусев не дал Сане посидеть тихонько пять минут. Пружинисто, бодро поднявшись, он развернул плечи, поправил ремень автомата и гаркнул:

– Подъем, парни!

– Ну чего орешь, Гусек? – с досадой сказал Саня. – Нас что, сроки поджимают?

– Если нас тестируют, не следует особенно расслабляться, – уже тише пояснил Гусев. – А нас именно тестируют, определяют наши физические и волевые качества, это сто процентов! Пока ты по деревьям лазил, мы с Сергеем посоветовались и решили, что так оно и есть. А полигон, как все мы знаем, надо проходить без задержек. Чтобы они увидели, какой ты весь из себя крутой, и тогда честь тебе и хвала, и новое назначение, и бабки охрененные, понял?

– Ну-ну, – скептически сказал Саня, но, тем не менее, тоже встал, застегнул на «молнию» куртку, вновь подвесил шлем за спиной и поднял прислоненный к дереву автомат. – Охрененные бабки, говоришь? Вы с Сергеем так решили, говоришь? Вообще-то, помнится, эту версию я первый предложил. Мыслители! Охрененные, говоришь, бабки? – повторил он. – Ну, тогда вперед, за бабками! Теперь уже я вас поведу, направление – вон туда.

Сергей молча начал пробираться сквозь опостылевший подлесок вслед за Саней и Гусевым. В отличие от уверенного на сто процентов Геныха, он ни в чем не был уверен. Но распространяться об этом не стал – не до того было. Пробираясь-продираясь-спотыкаясь, много не наговоришь, да и вообще...

От всяких мыслей острое желание пить не то чтобы совсем пропало, но переместилось куда-то на периферию. Сергей почти машинально разводил руками ветки, старался прикрыть лицо от вездесущей паутины и, глядя на широкую спину и бритый затылок рвущегося к новому назначению Гусева, думал о том, что все это с ними неспроста. Ох, неспроста! Конечно же, это действительно мог быть и полигон, но при чем здесь какие-то багровые огни и падение в пустоту? Чисто субъективные впечатления, связанные с применением психотропов? Могли, конечно, в борщ подмешать или в компот... А как насчет «небесной чаши»? Случайное совпадение образов? Когда-то где-то слушали вместе с Веремеем одну и ту же песню? А если Гуська на дерево послать – у него тоже возникнет такой образ? И где все-таки находится этот необъятный лес с незнакомыми деревьями? На юге? Где именно на юге? И на юге ли?...

Картина рисовалась странная и не внушающая спокойствия.

Неизвестно, сколько еще времени Сергей занимался бы ничего пока не дающими умопостроениями, но его вернул к действительности изумленный возглас шедшего первым Сани Веремеева. Сергей чуть не наткнулся на Гусева, который замер, пригнувшись, и выглянул из-за его спины.

Впереди, сквозь подлесок, виднелась довольно обширная поляна, покрытая все той же густой нехоженой травой. И посредине этой поляны...

Сергей смахнул с ресниц паутину и от изумления раскрыл рот, краем глаза заметив, как медленно попятился от поляны Веремеев.

– А эт-то что за фигня такая? – сипло спросил Гусев, клацая затвором автомата. – Спокойно, парни, щас мы ее уделаем!..

4. Демиург

Возвращению Игоря Ковалева в психиатрическую больницу поспособствовала его мать. Она все же вышла замуж и переселилась к своему новому избраннику, оставив квартиру Игорю. Тот по-прежнему предпочитал одиночество и, как и в юности, совершенно не интересовался женщинами и жениться не собирался. По юридической части он не работал, хотя, пропустив год, все-таки закончил университет. Увлечшись компьютерами, он стал неплохим специалистом по их обслуживанию и ремонту и заключил договоры сразу с несколькими мелкими фирмами.

У матери остался ключ от квартиры Игоря. В тот день, безрезультатно нажав несколько раз на кнопку звонка, она отперла дверь и обнаружила сына неподвижно лежащим на диване с самым отрешенным видом. Остекленевшие глаза его уставились в одну точку. Мать принялась трясти его за плечо, громко называя по имени, но он только вяло отмахивался и не произносил ни слова. Решив, что Игорь находится под воздействием какого-то наркотического вещества, мать принялась искать следы этого наркотика в комнате, но ничего не обнаружила. Зато ее внимание привлек лежащий на принтере лист бумаги. Прочитав распечатку, мать вновь принялась теребить Игоря. А потом, предположив, что странное состояние сына может быть проявлением вернувшейся душевной болезни, позвонила доктору Самопалову. Тот еще двенадцать лет назад дал ей номера своих телефонов.

Так тридцатитрехлетний Игорь Владимирович Ковалев вновь стал пациентом Виктора Павловича Самопалова, которому вот-вот должно было стукнуть сорок шесть.

Наметанным глазом доктор без труда определил, что больной пребывает в онейроидном состоянии, и вскоре человек, в котором когда-то жил (или так и продолжал жить?) герцог Чезаре Борджиа, был приведен в чувство с помощью внутривенного вливания пятипроцентного раствора барбитала и электросудорожной терапии. Доктор прочитал и то, что было напечатано на листе бумаги, переданном ему матерью Ковалева. Там были стихи, очень различные по стилю.

Первыми шли такие строки:

Черный сон мои дни
Затопил по края:
Спи, желанье, усни,
Спи, надежда моя!

Не очнуться душе!
Всё окутала мгла.
Я не помню уже
Ни добра и ни зла.

Колыбелью плыву
Я под сводами сна,
И одно наяву —
Тишина, тишина...

За этим стихотворением следовало другое, тоже без указания имени автора. Самопалов не был склонен считать, что его, как и предыдущее, сочинил Игорь Ковалев. Что-то знакомое чудилось ему в этом стихотворении. Возможно, когда-то, в молодые годы, он уже читал его. Или, во всяком случае, что-то подобное.

И одиночество над нами
как дождь: встает над морем вечерами
и простирается там, за холмами,
до неба, им чреватого всегда.
И с неба падает на города.

Оно струится ливнем на рассвете
на переулки, смутные вначале,
когда тела обнявшиеся эти
уже того не ищут, что искали,
и люди в ненависти и печали
одной постелью связаны навеки...

Тут одиночество уходит в реки.

Следующее стихотворение было доктору незнакомо, и в нем четко прослеживалась та же тенденция:

В лицо мне веет ветер нежащий,
На тучах алый блеск погас,
И вновь, как в верное прибежище,
Вступаю я в вечерний час.

Вот кто-то, с ласковым пристрастием,
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!

Далее шли такие же характерные строки, которые воспринимались как отрывки из разных стихотворений:

Я задыхаюсь в вашей суете,
Я одинок в толпе гудящей,
Я одинок, как путник в темной чаще.
Я задыхаюсь в вашей суете.

И дальше:

Никем не очарован я,
Нет у меня любимых строк.
Я бесконечно одинок
Под бледным солнцем бытия.

Продолжением темы выглядели напечатанные еще ниже две строчки:

Ничего мне в жизни не хочется —
Лишь не троньте мое одиночество!

И завершало эту подборку неизвестно чьих стихотворений одно-единственное, расположенное «лесенкой», в стиле Маяковского, утверждение:

А наяву лишь одно:
Пустота.

Пустота.

ПУСТОТА...

После того как Игорь Ковалев начал уже вполне адекватно реагировать на окружающее, доктор Самопалов показал ему этот листок. И тут выяснилось, что Ковалев ничего не может сказать относительно им же самим, вероятно, распечатанных на принтере стихотворений. Они, по его утверждению, были ему совершенно незнакомы. Поэзией он никогда не увлекался, стихи читал давным-давно, еще в рамках школьной программы, и в памяти с тех пор остались только разрозненные строки из «Евгения Онегина», «Погиб поэт! – невольник чести...» Лермонтова да парочка коротких стишков с еще более ранних времен, то ли Барто, то ли Маршака – вот, пожалуй, и всё...

Откуда взялся этот листок на его принтере, Ковалев не имел ни малейшего понятия. Но вполне определенно заявил, что никто ему эти стихи для перепечатки не давал, и что работать на его домашнем компьютере тоже никто не мог – гостей он к себе никогда не приглашал и ни с кем не общался, за исключением, разумеется, клиентов. Но с клиентами он говорил об антивирусных программах, дисках, модемах и прочих компьютерных делах, но не о поэзии.

По словам Ковалева, в тот день он безвылазно сидел дома. Шарил по Интернету в поисках свежей информации, касающейся мира компьютеров, попутно заглядывал то туда, то сюда, и не замечал течения времени (что вовсе не являлось патологией, а было привычным состоянием, пожалуй, любого юзера). Впрочем, он помнил, что оторвался от своего занятия и пообедал, а потом вновь сел за компьютер. А вот что было дальше...

О том, что было дальше, Игорь не мог, собственно, сказать ничего вразумительного, кроме того, что он ощутил «какие-то картины и фигуры в голове». Именно ощутил, по его утверждению, а не увидел. Словно у него в голове «шло какое-то кино». Но что это были за «картины», что за «кино», он так и не смог сформулировать доктору Самопалову.

«Это как сон, который забывается при пробуждении, – сказал он. – Остаются какие-то обрывки. Хочешь их поймать, удержать, а они тают. Это все равно что пытаться рассмотреть узор снежинки, положив ее на горячую сковородку. Только мне кажется, это было что-то нереальное...»

Помолчав, Игорь добавил:

«Вот и все, Виктор Палыч. А в себя пришел на знакомой койке. – Он грустно усмехнулся. – В вашей обители».

В лечебной практике доктора Самопалова хватало случаев зрительных псевдогаллюцинаций и сновидных фантастических переживаний, возникающих, в частности, при онейроидной кататонии. Там было всё: и грандиозные автокатастрофы с горами трупов и горами обгоревшего железа, и землетрясения, сметающие с лица земли целые города, и сонмища отврати-

тельных насекомых и змей, заполняющие дома и улицы, и гигантские цунами, и стаи летучих мышей, застилающие небо.

«Все люди превратились в скелеты, – делился с доктором своими онейроидными видениями один из пациентов. – Эти скелеты бегали по городу и теряли свои кости... Было ужасно жутко и смешно одновременно...»

Ощущения, испытанные Игорем Владимировичем Ковалевым, похоже, принадлежали к той же категории.

Доктор Самопалов отправил одну из медсестер в интернет-кафе, и та выяснила, что первое стихотворение принадлежит перу французского поэта XIX столетия Поля Верлена. А второе – то, что было смутно знакомо Виктору Павловичу, – написал в начале XX века известный австриец Райнер Мария Рильке, и называется оно «Одиночество». Не было проблем и с определением авторства третьего стихотворения: им оказался Валерий Брюсов. А вот с остальными строчками ничего не вышло – в Интернете их не было. И Самопалов предположил, что их сочинил сам Игорь, находясь уже в состоянии психоза и не осознавая своих действий.

Последующие беседы с пациентом из седьмой палаты привели заведующего отделением к мысли о том, что у Игоря Ковалева возник еще, ко всему прочему, и синдром метафизической интоксикации. Ведущим признаком этого синдрома, как известно любому психиатру, являются почти непрерывные размышления больного о глобальных философских и социальных проблемах. О смысле жизни и смерти, о предназначении человечества, о соотношении внешнего мира и души, о коренном преобразовании социума и прочих высоких материях. Казалось бы, ну и что тут такого? Не о том ли самом испокон веков размышляют философы, которых нет оснований причислять к психически нездоровым людям? Однако же ни Платон, ни Спиноза, ни Гегель, ни Кьеркегор не называли себя «демиургами». А Игорь Ковалев называл себя именно так и просил доктора Самопалова обращаться к нему именно так: Демиург, а не Игорь Владимирович.

Демиург, как известно, – это наименование созидającego начала, созидательной силы, творца, это божество, творящее мир. Игорь Ковалев с какого-то момента стал считать себя создателем реальности.

Судя по его словам, эта мысль пришла ему в голову уже в больнице. Собственно, даже не пришла в голову – он просто отчетливо услышал прозвучавший у него внутри голос: «Ты – Демиург».

Игорь Ковалев был абсолютно уверен в том, что это не его собственная мысль. Он воспринял ее как не подлежащую никакому сомнению переданную ему истину, как посланное из горних сфер откровение или даже приказ, и не имел намерения искать какие-либо обоснования этого тезиса. Это неведь откуда и почему пришедшее утверждение позволило ему по-иному взглянуть на историю с Черным графом.

«Я сам создал ту эпоху, Екатерину Медичи и Черного графа, – заявил он доктору Самопалову. – И себя в образе герцога Чезаре Борджиа. А создание мое вышло из-под контроля и повернулось против меня. Как это часто бывает».

И Самопалов пометил в рабочем дневнике:

«Синдром Кандинского – Клерамбо проявляется в виде бреда воздействия». И в который раз с привычным сожалением подумал о том, что вряд ли хоть когда-нибудь удастся постичь до конца все лабиринты и тайники человеческой психики, представляющей собой поистине самую великую загадку бытия...

Тихий стук в дверь заставил Виктора Павловича оторваться от созерцания больничного двора.

– Да, да, войдите, – сказал он, отворачиваясь от окна.

Дверь медленно открылась, и в кабинет вошел человек, который только что представлялся неясной тенью за матовым дверным стеклом. Игорь Владимирович Ковалев.

– Прошу вас. – Доктор показал на кресло у низкого столика.

Ковалев пересек кабинет, неслышно ступая домашними тапками по светло-коричневому линолеуму, и сел. Доктор вслед за ним опустился в такое же глубокое мягкое кресло по другую сторону столика. Он никогда не беседовал с пациентами, восседая за своим рабочим столом.

Во внешности Игоря Владимировича Ковалева не было ничего особенно примечательного. Перед Самопаловым сидел среднего роста молодой худощавый немного сутулый мужчина с коротко стриженными темными волосами, составляющими контраст с довольно бледным лицом. Глаза у Ковалева были карие, они близоруко и слегка рассеянно смотрели на окружающее, словно мысленно Ковалев находился где-то в другом месте. Одет он был в плотную лимонного цвета футболку с длинными рукавами и красной надписью «БАТАКАКУМБА» на груди и синие спортивные брюки, но по его угловатой фигуре нельзя было сказать, что он увлекается спортом.

– Как вы себя чувствуете? – задал доктор традиционный вопрос, с которого начинались все их беседы.

Игорь пожал плечами:

– Вполне нормально, Виктор Палыч. – Голос у него был тихий и не очень выразительный. – Кино больше не повторяется, сон сегодня опять снился самый обычный, серенький такой.

Сны Ковалева тоже были постоянным предметом их бесед. Скрытая аппаратура фиксировала все происходящее и произносимое в кабинете – как и при любой другой встрече доктора Самопалова с пациентами его отделения. Последующий анализ этих записей помогал психиатру разобраться с диагнозом, нащупать ключевые точки и определить наиболее эффективные методы лечения... ну, если и не лечения, то хотя бы временной блокировки заболевания. Впрочем, иногда доктора посещала мысль о том, что, с точки зрения пациентов психбольниц, именно они-то и являются вполне здоровыми, а недугом поражено все остальное человечество – дело было лишь в выборе системы координат, системы отсчета, совсем как в эйнштейновской теории относительности...

– А в конце еще Губаныч мой приснился, – продолжал Ковалев, водя пальцем по полировке столика, в которой отсвечивало окно. – Стоит недовольный, сам в себя смотрится, а выхода нет. В состоянии черной дыры.

– Кто такой Губаныч? – поинтересовался Самопалов, внимательно глядя на бледное лицо пациента.

– Вот именно «кто», а не «что». – Ковалев несколько оживился. – Губаныч – это мой комп. Стоит сейчас, пылится, оторван от мира, в себя смотрится.

– Почему – «Губаныч»?

– Препод у нас такой был, – пояснил Ковалев. – Невысокий, всегда в светло-сером, и голова большая, квадратная. Как монитор. Семинары у нас вел по гражданскому праву. Очень похож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.